

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XXIV ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ДО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1989
Часть I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1991

нала цитаты из источников на персидском (цитируется 26 раз) и турецком (4 раза) языках.

Махмуд б. Сулайман ал-Кафави при написании своего произведения привлек большое количество источников разных жанров, освещающих самые разнообразные стороны общественной жизни Мавераннахра при Саманидах. Богатый материал, содержащийся в "Ката'иб а'лам ал-ахйар", позволяет раскрыть различные аспекты истории ханафитского мазхаба и ислама в целом в Мавераннахре.

Благодаря специфическим особенностям жанра "табакат", в котором создан рассматриваемый труд, можно проследить процесс влияния соседних регионов на формирование и развитие мавераннахрской школы фикха. В IX-X вв. Мавераннахр имел тесные духовные связи с Хорасаном. Хорасанская школа фикха, особенно балхская, оказала на раннем этапе развития мавераннахрской школы сильное и благотворное влияние.

Осваивая общеханафитские традиции, со временем местная школа фикха в Мавераннахре стала проявлять стремление к самостоятельности. Знаменитые представители этой школы стали издавать фетвы, отражавшие особенности общественной жизни в Мавераннахре. Во всей совокупности этих решений отражена своеобразная форма бытования ислама в Мавераннахре, которая представляет огромный интерес в плане познания механизма функционирования ислама как идеологической системы, в частности, соотношения ислама единого и ислама регионального.

-
1. Махмуд б. Сулайман ал-Кафави. Ката'иб а'лам ал-ахйар мин фукаха' мазхаб ан-Ну'ман ал-мухтар. Рукопись ИВ АН Узбекской ССР, №2929.
  2. Там же, л. 65а.
  3. Там же, л. 81а.
  4. Хаджи Халифа. Кашф аз-зунун ... Т. IV. Лондон, 1845, с. 149.

Е.В.Нестерова

НОВОЕ О КОЛЛЕКЦИИ КИТАЙСКИХ РИСУНКОВ З.Ф.ЛЕОНТЬЕВСКОГО. ВОПРОСЫ АТРИБУЦИИ.

Захар Федорович Леонтьевский (1799-1874) пользуется заслуженной известностью среди востоковедов. Находясь в Китае в составе X миссии (с 1820 по 1831 г.), он изучил китайский и маньчжурский языки, работал над составлением словарей, которыми пользовались многие поколения востоковедов, перевел на китайский язык три тома "Истории государства российского" Н.Карамзина, за что получил звание "го ши" (государственный историограф). Он также занимался переводами китайской художественной литературы на русский язык. И в Китае, и в России, помимо чисто научных, Леонтьевский ставил

перед собой культуртрегерские задачи.

Вернувшись из Китая в Петербург, в начале 1830-х годов он открыл первый в России частный музей китайской культуры и быта. В коллекции было более полутора ста экспонатов, об этом писал в своей статье корреспондент газеты "Северная пчела", отмечая, что "никогда еще не видел и не рассматривал ничего столь приятного, полезного и поучительного".¹

Коллекция, как сообщает автор "Северной пчелы", состояла из портретов царствующей фамилии и особ, приближенных ко двору, картин с изображением видов, обыкновений, положений частной жизни, произведений природы и прочего; нескольких занимательных чертежей, планов и географических карт, значительного количества разных манускриптов и печатных в Китае книг, разного рода вещей, принадлежащих к столу, кабинету, туалету, препровождению времени порядочного человека в китайском вкусе, платья, головных уборов, обуви, украшений китайцев.

В 1866 году часть коллекции, включавшая материалы изобразительного характера, поступила в Публичную библиотеку. Ее продал туда сам Леонтьевский, видимо в связи с тем, что, выйдя на пенсию, он собрался покинуть Петербург и уехать на свою родину в Ярославль. Семьдесят листов акварелей из этой коллекции и ее описание, сделанное Леонтьевским, обнаружила сотрудница отдела рукописей Публичной библиотеки О.В.Васильева, она и познакомила с ними автора настоящей статьи. О.В.Васильева опубликовала материал под названием "Собрание китайских рисунков З.Ф.Леонтьевского. Вопросы атрибуции",² высказав предположение, что автором акварелей мог быть живописец А.М.Легашов (1798-1865), приехавший в Пекин в составе XI миссии и несколько месяцев проживший на одном подворье с Леонтьевским. Правда, О.В.Васильева замечает, что вопрос об авторстве нельзя считать окончательным, так как в оставленной Леонтьевским описи имя автора нигде не упоминается, при точном указании того, что изображено. В составе коллекции девятнадцать листов с изображением птиц, четырнадцать с надгробными памятниками, восемь с обрядами и церемониями, несколько портретов и большая часть - виды Китая и жанровые сценки, изображающие занятия китайцев.

При знакомстве с этой коллекцией у нас сразу возникли сомнения в авторстве Легашова по отношению к большинству листов. В первую очередь это касалось портрета китайской императрицы, жены императора Дао Гуанг (правил с 1821 по 1850 год), и изображения птиц, выполненных в традиционной китайской манере.

Что касается акварелей с пейзажными и архитектурными видами,

а также жанровыми сценками, то они выполнены отнюдь не в традиционном китайском вкусе. Сотрудники государственной Публичной библиотеки установили, что большая часть этих акварелей была срисована с английского издания книги "Путешествие лорда Маккартнея", опубликованной в Лондоне в 1797 году.³ Ее экземпляр имелся в библиотеке Пекинской духовной миссии. Эти акварели имеют перспективное построение, падающие тени, что несвойственно китайской живописной традиции, а заимствовано с английских гравюр, служивших для акварелей образцом. Помимо этого, колорит, который не мог быть подсказан черно-белыми гравюрами, также нетипичен для китайских художников. В отличие от ярких, локальных, пронзительных цветов которыми они, как правило, пользуются, здесь мягкая пастельная гамма, далекая от той, которую мы видим в китайских акварелях.

Мог ли их автором быть А.М.Легашов? Когда живописец отправлялся в Китай, президент Академии художеств А.Н.Оленин дал ему инструкцию в которой говорилось о необходимости рисования с натуры "всякого рода необыкновенного одеяния или костюмов, домашнего скарба, орудий, употребляемых в разных ремеслах, музыкальных инструментов, ... строений разного рода, домашних или диких животных... , дерев, цветов, плодов и проч. и проч."⁴ Не решил ли Легашов облегчить себе задачу, воспользовавшись готовым материалом представленным в книге, и работая не только на натуре, но и в библиотеке? Смузал лишь слабый рисунок фигур, в котором совершенно не чувствовалось знаний анатомии. Легашов был все-таки профессионал. Он окончил портретный класс Академии художеств под руководством профессора А.Г.Варнека, имел несколько серебряных медалей за рисунок.

Все сомнения помогла развеять обнаруженная нами статья в "Северной пчеле". Ее корреспондент пишет со слов самого Леонтьевского о портретах царствующих китайских особ, представленных в коллекции. В настоящее время в Публичной библиотеке имеется лишь один, уже упомянутый портрет вдовствующей императрицы: "Портреты сии тем в особенности примечательны, что доселе в Европе их еще не бывало, и, конечно, еслиб г-н Леонтьевский был менее патриот, и не хотел посвятить России плоды своих трудов ... то какой-нибудь английский лорд с удовольствием бы приобрел за значительную сумму сию редкость, и говоря редкость, я вовсе не ошибаюсь, ибо в Китае законами гражданскими и духовными запрещено частным людям иметь у себя портреты как самого Владыки небесного царства, так и дома его ... Г-н Леонтьевский в течении лет пяти добивался до то-

го чтобы в тайне добыть лишь одни очерки сих пяти портретов (1 - ныне царствующего императора, 2 - ныне царствующей императрицы, 3 - вдовствующей императрицы, 4 - ее покойного сына, 5 - первой объявленной любимицы императора) за что множество подарил драгоценных европейских безделушек, достав сии очерки, он немедленно, и все под сению самой величайшей тайны, поручил одному живописцу полу-китайцу, полу-европейцу заняться рисовкою всех пяти портретов на бумаге и во весь рост. Портреты сии истинно примечательны по тщательно отчетливой своей отделке и по поразительному сходству...".⁵

О жанровых и этнографических сценах, представленных в коллекции, в газете написано следующее: "Галерея разных картин состоит большей частью из таких, кои писаны кистью единственного во всем Китае живописца, соединяющего правила и вкус туземный с правилами и вкусом европейским, почему картины его работы носят какой-то новый и вместе странный отпечаток, достойный внимания наших господ художников, как вещь действительно редкая. Живописец сей обучался у папских веропроповедников, т.е. у отцов иезуитов".⁶

Таким образом все несообразности, которые отличают акварели из собрания З.Ф.Леонтьевского, объясняются тем, что в них соединились китайская и европейская традиция, так как их автором был китайский художник, учившийся у европейцев.

Но в коллекции, переданной в Публичную библиотеку, оставались еще два портрета, без всякого сомнения принадлежащих руке европейца. Это портрет самого Леонтьевского в китайском костюме и портрет второстепенного живого бога Ламайского или кутухты по имени Миньчжу, как написано на их обороте. То что Легашов приехал в Пекин в ноябре 1830 года, а Леонтьевский выехал из Пекина в июле 1831 говорит в пользу того, что именно он мог исполнить эти портреты и подарить Леонтьевскому до его отъезда.

Доподлинно известно, что Легашов писал акварельный портрет Миньчжура. О нем идет речь в дневнике М.В.Ладженского, пристава, сопровождавшего в Китай XI миссию. Автор записок вместе с Легашовым ездил в капище Хуан-сы, где жил кутухта, чтобы договориться о снятии портрета. "Портрет положили писать масляными красками, но по рассуждению А.М. [А.М.Легашов - Е.Н.] признал лучшим нарисовать в миниатюре соковыми и после уже увеличить и написать масляными"⁷ - сообщает Ладженский.

Кутухта был другом миссионеров, с ним дружил и Леонтьевский. Он часто навещал Миньчжура и даже обучал его географии. М.В.Ладженский отмечает в своем дневнике, что "кутухта замучил своих лам, заставляя их ежедневно по несколько часов сряду читать"

перед ним христианские книги, Евангелие и другие, переведенные христианами миссионерами на китайский язык. ... Геген весьма хвалит наше учение и сожалеет, что у них не было такого добродетельного человека, каков был Иисус Христос".⁸ В докладной записке иркутскому гражданскому губернатору Ладыженский пишет о том, что кутухта "всегда восхищался, когда ему рассказывали о споконных наших экипажах и быстрой езде. ... Не благоугодно ли будет для поддержания связи и знакомства полезного для нашей миссии с кутухтой, приказать изготовить к весне будущего года в иркутском ремесленном доме легкую с откидным верхом и покрасивее отделкою внутри и снаружи бричку".⁹ К сожалению просьба не была исполнена вовремя. В 1839 году "Миньчжур - кутухта желтого монастыря после жестокой сорокодневной болезни ... скончался, не имея удовольствия поехать на обещанной ему китайской коляске с рессорами. Миссионеры не могли не жалеть о потере в нем самого лучшего друга"¹⁰ - с большим сожалением пишет один из них. Естественно что личность кутухты Миньчжура, человека незаурядного, была привлекательна для художника. И все же безоговорочно признать автором этих работ А.М.Легашова нельзя. Если сравнить эти акварели с другими, принадлежащими руке Легашова, видно, что его манера работать более отточена, завершена и, главное, более профессиональна. В портрете Леонтьевского, например, смущает непропорционально большая кисть руки. Настораживает и скованная поза, и фиксированный взгляд модели, какой бывает когда человек рисует глядя на себя в зеркало. Мы знаем о работе Н.Я.Бичурина, предшественника З.Ф.Леонтьевского, над автопортретом. По аналогии возникла мысль, не мог ли Леонтьевский быть автором собственного портрета? Это предположение не столь уж невероятно. В начале XIX века занятия живописью были необходимой составной частью общего образования культурного человека. Акварелирование в гостиной, альбомное рисование были чрезвычайно широко распространены в обществе. З.Ф.Леонтьевский умел и любил рисовать. Это подтверждает и найденный архивный документ, в котором перечислены обязанности членов десятой миссии. На долю Леонтьевского выпало заниматься историей, географией и статистикой Китая, а также было сказано, что он "...по особенной при том склонности своей не упустит вникнуть в искусства рисования и живописи".¹¹ Совершенно естественно желание запечатлеть себя в столь экзотическом виде, оставить память о своем пребывании в Китае, заменив отсутствующую в те времена фотографию. Характерно, что Леонтьевский повторил опыт Бичурина, сделавшего то же десятилетием раньше.

Это объясняет почему Леонтьевский нигде в описи не указал автора акварелей. Если бы это был Легашов, выпускник Академии художеств, профессионал, он бы не приминул на это сослаться при продаже.

Косвенным доказательством того, что работа принадлежала самому Леонтьевскому служит и водяной знак на ватмане, который включает дату "1817", то есть бумага, на которой написан портрет, была куплена, по всей видимости, самим Леонтьевским до отъезда в Пекин. Легашов перед поездкой в Китай также закупил большое количество бумаги, но ее производство должно бы было относиться к более позднему времени.

Что касается портрета кутухты Миньчжура, то вопрос с его атрибуцией более сложный. На наш взгляд Леонтьевский мог сделать копию с акварельного портрета Легашова о котором упоминал Ладженский в своем дневнике и эта копия хранилась в его коллекции, а оригинал, в числе еще некоторых портретов: царгучея Цин-Лоо, епископа Пирета и других, был отдан М.В.Ладженскому. Настоящее его местонахождение неизвестно.

Таким образом авторство двух акварельных портретов: З.Ф.Леонтьевского и кутухты Миньчжура мы склонны приписать самому Леонтьевскому.

Коллекция Захара Федоровича Леонтьевского представляет значительный интерес как для специалистов востоковедов, так и для историков искусства.

-
1. Вл-рь Б-щевъ. Кабинет китайских редкостей, принадлежащих З.Ф. Леонтьевскому. - "Северная пчела", 1832, № 191.
  2. См. сб.: Исследования памятников письменности и культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг. Л., 1988.
  3. An authentic account of the Embassy of the Emperor of China, undertaken by order of the king of Great Britain ... Compl. by Sir Georg Staunton. London, 1797.
  4. ЦГИА, ф. 789, оп. 1, ч. 1, ед.хр. 1042, л. 16 об.
  5. Вл-рь Б-щевъ. Указ. соч.
  6. Там же.
  7. "Китайский благовестник", 1907, вып. 3-4, с. 22.
  8. "Китайский благовестник", 1908, № 20, с. 10.
  9. АВПР, СПб, гл. архив 1-5, 1823 г., оп. 4, д. 1, папка 7, л. 110.
  10. Из письма А.Честного А.Н.Евсееву. АВПР, СПб, гл. архив 1-5, 1823, д. 1, папка 12, л. 526.
  11. ЦГИА, ф. 789, оп. 2, ед.хр. 6353, л. 123 об.